

МАЙКЛ БУРАВОЙ,
ПРОФЕССОР КАЛИФОРНИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В БЕРКЛИ (США),
ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ,
ЭРИК ОЛИВ РАЙТ,
ПРОФЕССОР УНИВЕРСИТЕТА ВИСКонСИНА В МЭДИСОНЕ (США)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ*

В предлагаемой главе из «Руководства по социологической теории» показано, что социологический марксизм как теория противоречивого воспроизводства капиталистических отношений в зачаточной форме присутствовал внутри классического марксизма; позднее он превратился в самостоятельную, развитую теоретическую основу, необходимую для понимания разнообразия новых социальных институтов, построенных вокруг капитализма для противодействия его склонности к саморазрушению. Социологический марксизм требует уделять внимание разработке альтернатив капитализму, так как конец капитализма не является внутренне присущей ему тенденцией. Теория социологического марксизма должна изучать опыт государственного социализма для понимания того, чего следует избегать, а что может быть вполне приемлемым. Еще более важно развитие концепций реальных утопий, основанных на использовании действующих социальных институтов капитализма, и анализ тезиса о том, что эти прикрывающие капитализм с флангов институты сами по себе потенциально содержат семена альтернативного общества.

The proposed chapter from the «Handbook on Sociological Theory» shows that sociological Marxism as a theory of the contradictory reproduction of capitalist relations was first present in the embryonic form within classical Marxism. Later it turned into an independent, well-developed theoretical foundation necessary for understanding the diversity of new social institutions that were built around capitalism to counteract its tendency toward self-destruction. Sociological Marxism demands paying attention to developing the alternatives to capitalism, since the end of capitalism is no longer given as its inherent tendency. The theory of sociological Marxism should study the experience of state socialism for the lessons as to what should be avoided and what might be acceptable. But developing the conceptions of real utopias based on making use of the real social institutions of capitalism as well as analyzing the thesis that these institutions flanking capitalism can contain the seeds of an alternative society is considered as even more important.

Обсуждения марксизма как социальной теории, как правило, развиваются по одному из четырех основных направлений.

1. *Распространение марксизма.* Марксизм в рамках этого подхода представляется как всеобъемлющее мировоззрение, необходимое для понимания социального мира. Он обеспечивает теоретическое вооружение, необходимое для атаки на капиталистические мистификации, и научное видение, необходимое для мобилизации масс на борьбу. Центральной задачей для интеллектуалов-марксистов является изложение основных революционных концепций марксизма таким образом, чтобы его влияние возросло особенно в среде угнетенных классов. Часто это осуществляется в форме догматического провозглашения марксизма как всеобщего учения, но для превращения марксизма в эффективную идеологию вовсе не требуется жесткая вера в его постулаты. Центральным вопросом здесь является то, что марксизм следует сделать общедоступным, чтобы он усваивался как субъективно яркая система убеждений.

2. *Забвение марксизма.* Марксизм в рамках этого направления – доктрина, практически лишенная идей, имеющих отношение к серьезным социальным исследованиям. Историческая долговечность марксизма обусловлена исключительно его ролью в качестве мобилизующей идеологии, связанной с политическими партиями, общественными движениями и государствами, а вовсе не с научной достоверностью его аргументов. Гибель вдохновлявшихся марксизмом политических режимов может наконец-то засвидетельствовать наступление давно ожидавшейся смерти этой устаревшей и часто пагубной доктрины.

3. *Использование марксизма.* Согласно этому подходу марксизм является источником интересных и наводящих на дальнейшие размышления идей,

* Из книги: Руководство по социологической теории / Под ред. Дж. Тернера. Нью-Йорк: Kluwer Academic/ Plenum Publishers, 2002. Гл. 22 (в сокращении).

FROM BELARUSIAN JOURNAL
"SOCIOLOGI" No 2, 2011

TRANSLATION OF BURAWOY and WRIGHT
"SOCIOLOGICAL MARXISM" (2002)

многие из которых остаются полезными для научного анализа современных социальных отношений. Некоторые марксистские идеи, возможно, были глубоко ошибочны с самого начала, другие, возможно, потеряли значение для понимания современного общества, но все же марксистская традиция содержит много полезных идей и аргументов, и они должны быть сохранены в качестве непреходящего наследия. Многие из того, что сегодня излагается под рубрикой «марксистская социология», имеет такой характер, позволяющий избирательно использовать частные понятия и темы из марксистской традиции, чтобы понять конкретные эмпирические проблемы. Однако вовсе не нужно быть «марксистом» для того, чтобы таким образом пользоваться марксизмом.

4. Развитие марксизма. Марксизм – это аналитически мощная традиция социальной теории, которая имеет жизненно важное значение для научного понимания дилемм и возможностей социальных изменений и социального воспроизводства в современном обществе. Марксизм необходим особенно тем, кто хочет изменить мир в духе эгалитарных и освободительных проектов. Это не означает, однако, что каждый элемент в марксизме в том виде, в котором он сейчас существует, имеет устойчивый характер. Если марксизм стремится быть научной теорией общественного развития, то он должен постоянно подвергаться вызовам и преобразованиям. Строительство марксизма, таким образом, означает и его перестройку. Марксизм не является догмой, окончательно установившей истину в последней инстанции. Вместе с тем марксизм не есть и просто разрозненный набор интересных идей. И если наша цель состоит в развитии своих способностей понимать мир для того, чтобы изменить его, то строительство (развитие) марксизма должно стать для нас ключевой задачей.

В рамках первых двух из названных подходов марксизм рассматривается в первую очередь как идеология, т. е. как система убеждений, которой придерживаются люди и которая обеспечивает интерпретацию мира и мотивацию к действию. Оба направления настороженно относятся к стремлению марксизма стать социальной наукой: представители первой позиции обеспокоены, поскольку это скорее связано с мощностью марксизма как инструмента убеждения, чем с его жизнеспособностью как таковой, а представители второй позиции – поскольку они рассматривают марксизм либо как однозначно ложное, либо как морально и политически вредное учение.

Социология, по крайней мере, в том виде, как это практикуется в настоящее время в Соединенных Штатах, в основном занимается марксизмом в третьем из этих режимов. Есть, конечно, со стороны социологов и случаи призывов похоронить марксизм, и, разумеется, были периоды в истории американской социологии, в течение которых марксистские идеи практически полностью игнорировались. Вместе с тем в определенное время и в некоторых местах строительство и развитие марксизма становилось важным интеллектуальным течением в социологической науке. Но в основном американская социология воспринимает марксизм просто как один из источников «социологического воображения». Университетские курсы по социологической теории, как правило, включают уважительное обсуждение трудов Маркса, Вебера, Дюркгейма как наследия «отцов-основателей» центральных направлений в истории социологии. При этом Дюркгейм отождествляется с нормами и проблемами социальной интеграции, Вебер – с концепцией рационализации и социологией культуры и социально ориентированных действий, а Маркс – с теорией классов и конфликтов. Курсы по политологии и теории государства регулярно заимствуют из марксистской традиции ее фокусировку на политическом влиянии деловых кругов, а также концепции экономических ограничений для действий государства и классовой базы политических партий и политической мобилизации. При обсуждении проблем мировой экономики обычно говорится о глобализации капитала, вла-

сти крупных многонациональных корпораций и о тех способах, при помощи которых международные рынки влияют на местные условия, что также является давно дискутируемыми в марксизме темами, начало обсуждения которых восходит к самому Марксу. В дискуссиях по социально-трудовой проблематике часто говорится о процессе труда, о проблемах интенсификации труда работников, а также о влиянии технологий на их навыки. При обсуждении динамики социальных изменений речь идет об их противоречивом характере. Однако, быть может, более всего на современные дискуссии по проблемам социальных конфликтов оказала влияние одна из основных марксистских идей о том, что конфликты в обществе порождаются на основе социально структурированного расслоения, а не просто зависят от субъективных особенностей людей. При этом часто марксистское происхождение этих тем и идей оказывается полностью утерянным. Вместо использования марксизма в рамках единой марксистской теории эти идеи оказались просто поглощенными диффузным мейнстримом современной социологии. Но использование марксизма может также осуществляться в виде осознанной практики развертывания этих идей таким образом, который подтвердит сохраняющуюся актуальность марксистской традиции социологического научного анализа.

Строительство марксизма является самым амбициозным взглядом на марксистскую традицию, выходящим за рамки простого использования явно или неявно марксистских категорий для решения ряда социологических проблем. Здесь цель заключается в содействии развитию марксизма в качестве единой теоретической структуры на основе понимания его недостатков и восстановления силы его аргументов. На практике это взаимодействие с марксизмом предполагает принятие на себя серьезных нормативных обязательств, а не просто веру в научные достоинства марксистских идей. Без серьезной нормативной приверженности радикальной критике капиталистических институтов и политическому видению эгалитарной, освободительной альтернативы капитализму было бы недостаточно стимулов для решения требующих немалых интеллектуальных усилий задач по строительству и перестройке марксизма как единой теоретической структуры. Строительство (развитие) марксизма, таким образом, как интеллектуальный проект тесно связано с политическим проектом борьбы против капитализма как общественного устройства. < ... >

Классическая марксистская теория исторической эволюции и судьбы капитализма

Традиционная марксистская теория исторической эволюции и судьбы капитализма была основана на трех главных тезисах.

1. *Тезис о неустойчивости капиталистического развития в долгосрочной перспективе.* В долгосрочной перспективе капитализм является неустойчивой социальной системой: у него неопределенное будущее, его внутренняя динамика («законы движения») в конечном итоге приведет к уничтожению условий для собственного воспроизводства. Это означает, что для капитализма не только характерно эпизодическое возникновение кризисов и периодов распада, но и то, что этим эпизодам присуща тенденция к такой интенсификации в долгосрочной исторической перспективе, которая делает выживание капитализма крайне проблематичным.

2. *Тезис об острении антикапиталистической классовой борьбы.* По мере того как устойчивость капиталистического развития снижается (тезис 1), увеличивается численность классовых сил, выступающих против капитализма, и возрастает их способность бросить капитализму вызов. В конечном счете социальные силы, выступающие против капитализма, наберут достаточный уровень мощи, а сам капитализм настолько ослабеет, что его господство можно будет свергнуть. Часто к этому тезису прилагаются два дополнительных требования: 1) разрушение капитализма должно носить

скорее взрывной, а не последовательный характер (т. е. разрушение должно происходить в сжатый исторический промежуток времени) и 2) разрушение капитализма требует насильственного свержения буржуазного государства, а не демократического прихода к власти в нем. Ни одно из этих требований, однако, не присуще тезису об усилении антикапиталистической классовой борьбы как таковому, и потому они должны рассматриваться скорее как тактические предложения, вытекавшие из исторического контекста, а не как фундаментальные положения марксизма.

3. *Тезис о естественном переходе к социализму.* С учетом конечной неустойчивости развития капитализма (тезис 1), а также интересов и возможностей социальных субъектов, выступающих против капитализма, в период после разрушения капиталистического строя посредством активизации классовой борьбы (тезис 2) его наиболее вероятным преемником (или в более сильном варианте этого тезиса – его неизбежным преемником) является социализм. Частично это происходит потому, что капитализм в ходе своего развития сам создает некоторые институциональные основы социализма – концентрацию собственности через создание трестов; значительный рост производительности труда, который освобождает людей от необходимости многочасовой работы; растущую взаимозависимость между работниками; отстранение капиталистов как активных предпринимателей от участия в производстве вследствие создания акционерных обществ и т. д. Но в основном социализм возникает в период после гибели капитализма, потому что рабочий класс получит от социализма огромную пользу и потому, что он обладает властью для его создания. Есть некоторые места в работах классических марксистов, в которых содержатся указания на отличные от социализма варианты исторической судьбы для капитализма, как, например, в известной формулировке Р. Люксембург «социализм или варварство», но нигде не социалистические варианты будущего после капитализма не обсуждаются, хотя бы с какой-либо степенью теоретической точности.

Эти тезисы были предназначены для воплощения в жизнь реальных прогнозов, которые основывались на понимании причинно-следственного механизма функционирования социального мироздания, а не просто на стремлении выдать желаемое за действительное или на абстрактных философских рассуждениях. Такие прогнозы явились следствием учета двух причинно-следственных процессов, которые рассматриваются как факторы, придающие фундаментальную логику динамике развития экономических систем капитализма: эксплуатации рабочих капиталистами и конкуренции между капиталистами на различных рынках. Эти два процесса создают те причинные потоки, которые обеспечивают фундаментальные объяснения марксистских тезисов о судьбе капитализма.

Эксплуатация трудящихся и конкуренция между капиталистами являются основными причинами наиболее важных свойств капиталистического развития – устойчивого роста его производственного потенциала, расширения его глобальной экспансии, повышения концентрации и централизации капиталистического производства. Эта динамика развития, однако, содержит внутренние противоречия, противоречия, которые свидетельствуют, что капитализму присуща тенденция порождать периодические, усиливающиеся экономические кризисы. Традиционная марксистская теория кризисов является сложной аналитической разработкой, в которой учитываются многие виды причинно-следственных процессов, объясняющие периодические нарушения в процессе капиталистического накопления. Двумя наиболее важными из них для последующей судьбы капитализма в классическом марксизме считаются долгосрочная тенденция к снижению совокупной нормы прибыли, а также, как это, в частности, утверждает Энгельс, тенденция накопления капитала, которая ведет к еще более серьезным кризисам перепроизводства.

Аргумент относительно того, что присущие капитализму кризисные тенденции в долгосрочной перспективе будут активизироваться, означает, что, по мере того как капитализм становится все более и более развитым, приобретая более и более глобальный характер, ему в конечном счете становится все труднее и труднее удерживать приемлемую совокупную норму прибыли либо находить новые рынки сбыта, что является необходимым условием для продолжения накопления капитала и осуществления инноваций. Это, в свою очередь, означает, что капитализм становится все менее и менее устойчивым и в конечном итоге достигает предела своего собственного материального воспроизводства. Иными словами, используя другую классическую марксистскую формулировку, производственные отношения становятся оковами для развития производительных сил. Первый причинный поток, порожденный двумя взаимосвязанными генеративными процессами капитализма, приводит к мощному прогнозу, содержащемуся в тезисе 1: в долгосрочной перспективе капитализм станет невоспроизводимой экономической системой. Он не может существовать вечно.

Вместе с тем непрочность и проблемы с воспроизводством в долгосрочной перспективе, присущие капитализму, сами по себе немного говорят о том, какой общественный строй появится на его месте. Здесь важным вопросом является воздействие капитализма на классовую структуру общества и формирование классов: капитализм не только развивает производительные силы и расширяется до масштабов глобальной системы капиталистического рынка и конкуренции, но также создает социальную силу – рабочий класс – с особым набором интересов, противоположных интересам капитала, а также с целым рядом возможностей, которые позволяют ему бросить вызов капитализму. Интересы рабочих противоположны интересам капиталистов по целому ряду причин. Наиболее существенная из них та, что при капитализме они подвергаются эксплуатации. Кроме этого, капитализм также лишает жизнь рабочих устойчивости и безопасности, подвергая их безработице, деградации труда и другим опасностям. Материальные интересы рабочих, таким образом, смогут выйти на первый план, только если общественные отношения производства будут преобразованы из отношений, основанных на частной собственности на средства производства, – капитализма – в отношения, основанные на демократическом, эгалитаристском контроле над организацией производства, или, иными словами, в то, что называется «социализм». < ... >

Согласно классической марксистской теории сама динамика капиталистического развития содействует росту способности рабочего класса к выступлению с такого рода общими притязаниями по целому ряду причин. Среди них и то, что рабочий класс становится все более многочисленным, и то, что он концентрируется на все более крупных производственных объектах, и то, что связи и взаимозависимость между рабочими возрастают, в то время как внутреннее расслоение в рабочей среде снижается под влиянием процесса деквалификации и других сил, способствующих социальной однородности пролетариата, и то, что растет организационная компетентность рабочего класса. Многие из этих изменений, происходящих при капитализме, не только увеличивают способность рабочих к борьбе, но и создают некоторые из экономических предпосылок для самого социализма, среди них концентрация капиталистической собственности и появление акционерных корпораций, которые делают само существование личности капиталиста все более и более излишним, а также рост взаимозависимости среди рабочих, который придает производству невиданный ранее общественный характер. Как сами марксисты говорили, характеризуют эти процессы, условия для социализма создаются «в недрах капитализма». В конечном итоге рабочий класс становится классом революционным как в смысле наличия революционных социалистических целей, так и в плане наличия по-

тенциала для осуществления революции против капитализма (тезис 2) и создания институтов социализма (тезис 3).

Сложение этих аргументов вместе порождает фундаментальное предсказание классического марксизма о судьбах капитализма: капитализм внутренне присуща тенденция к созданию условий как для своего собственного разрушения, так и для победы социализма в качестве его альтернативы. По мере того как экономическое воспроизводство капитализма становится все более проблематичным и нестабильным, у социальных сил, заинтересованных в трансформации капитализма, все в большей мере увеличивается способность эффективно бороться против капитализма. В таких условиях практически не возникает необходимости размышлять по поводу институционального устройства общества, являющегося альтернативой капитализму. С учетом интересов и возможностей соответствующих социальных субъектов (акторов) социализм будет изобретен в процессе прагматического, творческого, коллективного экспериментаторства тогда, когда он станет «исторической необходимостью». < ... >

К сожалению, существует мало свидетельств в пользу научной обоснованности теории о судьбе капитализма в том виде, как она была нами изложена. И хотя теория Маркса о динамике капиталистического развития содержит множество прозорливых идей относительно внутреннего строения капиталистической формации в период раннего нерегулируемого промышленного капитализма с его резкой социальной поляризацией и хаотическими кризисными тенденциями, фактическая эволюция капитализма в двадцатом веке не представила подтверждений истинности ключевых положений марксистской теории.

Во-первых, относительно тезиса о неустойчивости капиталистического развития: хотя капитализму действительно внутренне присущи кризисные тенденции, нет никаких эмпирических доказательств того, что эти кризисы в перспективе могут интенсифицироваться. Кроме этого, имеются серьезные ошибки в принципиальном теоретическом аргументе, выдвинутом Марксом относительно того, что капитализму присущ предел устойчивости. В частности, не находит подтверждения наиболее систематизированный аргумент в пользу этого его предсказания – теория относительно тенденции к падению совокупной нормы прибыли.

Маркс полагал, основываясь на трудовой теории стоимости, что общие доходы формируются исключительно за счет труда работников, которые приводят в действие средства производства (то, что он называл «живой труд»). Поскольку капиталоемкость (или то, что Маркс называл «органическое строение капитала») с развитием капитализма увеличивается и, следовательно, стоимость капитала относительно стоимости труда с течением времени возрастает, то способность капитализма генерировать прибыль снижается согласно пропорции общего числа издержек и, таким образом, норма прибыли также снижается. Несостоятельность данного теоретического вывода, как неоднократно было показано, является в равной степени следствием ошибок в трудовой теории стоимости, на которой этот вывод базируется, а также отдельных недостатков в его собственной аргументации относительно воздействия капиталоемкости на норму прибыли. Другая основная идея классического марксизма о тенденции к интенсификации кризисов при капитализме (вследствие проблемы перепроизводства) также не подтвердилась никаким внутренне присущим усилением кризисов, особенно когда было признано, что государство и другие инновационные институты способны генерировать повышенный спрос, чтобы поглотить избыточную продукцию. Поэтому первый фундаментальный тезис классической марксистской теории об исторической эволюции капитализма – тезис о том, что капитализму присуща неотъемлемая тенденция в конечном итоге потерять способность к воспроизводству, – не может быть поддержан.

Во-вторых, относительно тезиса об усилении антикапиталистической классовой борьбы и тезиса о естественном переходе к социализму: теория формирования классов и классовой борьбы, которая подкрепляет аргументы в пользу того, что социализм является будущим капитализма, также достаточно проблематична. Существует мало доказательств в поддержку классического марксистского взгляда на то, что главной тенденцией для структурно определенных классов станет стремление организоваться как коллективные социальные субъекты на базе своих классовых интересов, как и на то, что выражаемые классовые интересы рабочих, организованных таким образом, становятся все более антикапиталистическими. Вместо того чтобы стать упрощенными и более поляризованными, классовые структуры в капиталистическом обществе становятся все более сложными и дифференцированными. Даже внутри рабочего класса, материальные условия жизни которого, по Марксу, должны все более ухудшаться, а социальное строение – становиться более однородным, наблюдается увеличение социальной неоднородности по многим аспектам во многих частях мира. Кроме того, даже независимо от неудачных прогнозов относительно того, как эволюция капиталистического развития повлияет на классовую структуру, как мы увидим далее, классический марксизм не предвидел того, что различные институты социального воспроизводства, которые развиваются в рамках капитализма, окажутся настолько надежными, гибкими и эффективными. В результате, как оказалось, существует гораздо больше непредвиденных обстоятельств и неопределенности в отношении между классовой структурой, формированием классов и классовой борьбой даже в долгосрочной перспективе, чем это было признано допустимым согласно классической теории марксизма.

Но если капитализму не присуща тенденция к постепенному ослаблению и в конечном итоге к потере устойчивости и если классовым силам, выступающим против капитализма, не присуща тенденция стать коллективно более сильными и, как следствие, более способными к тому, чтобы бросить вызов капитализму, то, значит, отсутствуют и веские основания для прогнозирования того, что социализм даже в долгосрочной перспективе сможет прийти на смену капитализму. Из этого, конечно же, не следует обратное – что социализм не является возможным будущим для капитализма или что он не представляет собой даже невероятного проекта такого будущего, – это просто свидетельствует о том, что традиционная марксистская теория не дает прочной основы для любых прогнозов относительно вероятности такого исхода.

Если отвергнуть тезис традиционной теории об исторической судьбе капитализма, то остается лишь задаться вопросом: что же тогда осталось от марксизма? Может быть, это только несколько разрозненных, едва сохраняющих свою значимость теоретических представлений из арсенала марксистского наследия, как это предлагают сторонники направления, ориентированного на «использование марксизма». Вопреки данному подходу мы будем выступать за то, что от классического марксизма нам осталось концептуальное ядро, способное обеспечить основу, на которой марксизм может быть перестроен или построен заново. Существуют два основных направления этой перестройки. Во-первых, можно попытаться восстановить теорию динамики капиталистического развития, освободив ее от традиционной приверженности раскрытию имманентного пути исторической эволюции в направлении пункта конечного назначения. Последняя работа Джованни Арриги (Giovanni Arrighi, 1994) может служить примером такой перестройки. Кроме этого, можно обратиться ко второй группе традиционных марксистских тезисов, относящихся к теории противоречивого воспроизводства капиталистических классовых отношений, и попытаться построить социологический марксизм на этой основе. Именно такой стратегии мы следу-

ем в данной работе. Она включает в себя выявление тех причинно-следственных процессов, характерных для капиталистического общества, которые имеют широкие последствия как для природы институтов в такого рода обществах, так и для перспектив социальных изменений освободительного характера. Однако это не будет попыткой определить внутренне присущую динамику процесса, который продвигает эти общества к конкретным пунктам назначения на освободительном пути. Проблема противостояния капитализму останется центральной точкой отсчета предлагаемой здесь концепции социологического марксизма, при этом социализм больше не будет рассматриваться как историческая необходимость, а лишь как потенциальный результат стратегии, ограничений и чрезвычайной ситуации. Обратимся теперь к рассмотрению основных концепций, которые составляют основу этого перестроенного социологического марксизма. <...>

Социологический марксизм: концептуальные основы.

Класс, эксплуатация и господство

Что делает классовый анализ отчетливо марксистским, так это описание конкретных механизмов, встроенных в классовые отношения. Здесь ключевой концепцией выступает понятие эксплуатации, хотя и господство также играет важную роль.

Эксплуатация является сложной, но интересной и перспективной концепцией. Она используется для обозначения конкретной формы взаимозависимости материальных интересов людей, а именно для характеристики ситуации, которая удовлетворяет трем критериям, включающим принципы:

1) *обратной взаимозависимости благосостояния*. Материальное благосостояние эксплуататоров находится в причинно-следственной зависимости от материальных лишений эксплуатируемых;

2) *исключения*. Эта обратная взаимосвязь между благосостоянием эксплуататоров и эксплуатируемых является следствием исключения доступа эксплуатируемых к определенным производственным ресурсам;

3) *присвоения*. Исключение создает материальную выгоду для эксплуататоров, поскольку позволяет им присваивать трудовые усилия эксплуатируемых.

Эксплуатация, таким образом, представляет собой диагноз процесса, посредством которого неравенство в доходах порождается неравенством в правах и полномочиях в отношении производственных ресурсов: неравенство возникает по крайней мере частично, при помощи способов, используя которые эксплуататоры в силу своих исключительных прав и полномочий в отношении ресурсов могут присваивать прибыль, создаваемую усилиями эксплуатируемых. Если присутствуют первые два из этих принципов, но нет третьего, то в обществе может существовать не эксплуатация, а экономическое угнетение. Принципиальная разница между ними заключается в том, что в свободной от эксплуатации ситуации экономического угнетения сама привилегированная социальная категория не нуждается в нагнетении категории исключенных. Хотя ее благосостояние и зависит от принципа исключения, но развитие взаимозависимости между деятельностью этих социальных подгрупп отсутствует. В случае эксплуатации у эксплуататоров есть активная необходимость в эксплуатируемых, поскольку именно от их трудовых усилий зависит благосостояние эксплуататоров.

Эта глубокая взаимозависимость делает эксплуатацию особенно взрывоопасной формой социальных отношений по двум причинам: во-первых, эксплуатация формирует такие общественные отношения, которые противопоставляют интересы двух социальных групп и одновременно требуют продолжения их взаимодействий, и, во-вторых, она вооружает обездоленные группы реальной формой силы, при помощи которой они способны бросить вызов интересам эксплуататоров. Это важный момент. Эксплуатация зависит от присвоения трудовых усилий. Поскольку люди – сознатель-

ные субъекты, а не роботы, то они всегда сохраняют значительный уровень реального контроля над затратами своих усилий. Таким образом, изъятие трудовых усилий в рамках эксплуататорских отношений в большей или меньшей степени всегда является проблематичным и нестабильным элементом, требующим наличия активных институциональных структур для своего воспроизводства. Такие структуры могут стать весьма затратными для эксплуататоров в связи с постоянным ростом расходов на контроль, надзор, санкции и пр. Способность задавать объем таких расходов и составлять ту форму власти, которой обладают эксплуатируемые.

Господство представляет собой более простую концепцию. Она не только описывает взаимозависимость материальных интересов, порожденных производственной деятельностью, а определяет один из аспектов взаимозависимости деятельности в рамках самого производства – то, что мы называли отношениями в процессе производства. Вопрос здесь состоит в том, что в силу отношений, в которые люди вступают в результате наличия у них прав и полномочий относительно производственных ресурсов, некоторые из этих людей оказываются в состоянии контролировать деятельность других, направлять их, руководить ими, отслеживать их деятельность, нанимать и увольнять. Поскольку полномочия, воплощенные в понятии господства, являются прямым следствием системы производственных отношений в обществе, то и господство также можно рассматривать как один из аспектов классовых отношений. Поэтому классовые отношения предполагают не просто присвоение частью людей плодов трудовых усилий, предпринимаемых другими людьми, но и то, что значительная часть жизни этих других находится под сторонним контролем, направляется извне людьми, находящимися, в свою очередь, за пределами контроля своих подчиненных. В традиционной марксистской терминологии такая система отношений характеризуется как отчуждение. <...>

Социологический марксизм:

теория противоречивого воспроизводства классовых отношений

Напомним, о чем мы говорили до сих пор. Мы начали с утверждения, что имеет смысл выстраивать марксизм, а не просто использовать его (не говоря уже о том, чтобы его похоронить), поскольку он важен для понимания прелюбительней и возможной для воплощения эгалитаристских социальных изменений освободительного характера. Такая нормативная, политически ориентированная постановка вопросов обсуждаемой повестки обеспечивает основную мотивацию для тех, кому безразличны эти проблемы. Затем мы рассмотрели классическую марксистскую теорию, уделяя особое внимание той ее части, которая содержит попытку объяснить логику эволюции капитализма в направлении своей окончательной гибели и перехода к социализму. Мы утверждали, что, несмотря на то, что данная теория представляет собой достаточно убедительную концепцию, тем не менее она не удовлетворяет роли объяснительной теории. Помимо нее марксизм также содержит теорию противоречивого воспроизводства классовых отношений, в основе которой находится понятие класса как эксплуатации. Теперь мы хотим показать, как эта концепция используется в рамках марксистской теории общественного воспроизводства и каким образом это может содействовать формированию основы для развития социологического марксизма.

Марксистская теория противоречивого воспроизводства капиталистических классовых отношений основывается на трех основных тезисах.

1. *Тезис об общественном воспроизводстве классовых отношений*. В силу своего эксплуататорского характера классовые структуры являются крайне нестабильными формами общественных отношений и требуют активных институциональных механизмов своего воспроизводства. Отсюда следует вывод, что там, где существуют классовые отношения, будут развиваться различные формы политических и идеологических институтов,

предназначенные для их защиты и воспроизводства. В классическом марксизме их, как правило, называют политической и идеологической надстройкой, при помощи которой воспроизводится экономический базис.

2. *Тезис о противоречиях капитализма.* Институциональным решениям проблемы общественного воспроизводства капиталистических классовых отношений присуща тенденция к ослаблению и постепенной утрате своей функциональности. Это происходит по двум основным причинам: во-первых, динамика развития капитализма порождает изменения в технологии, процессе труда, классовой структуре, рынках и других аспектах капиталистических отношений, и эти изменения постоянно генерируют все новые проблемы общественного воспроизводства. Говоря в общем, ранее принятые институциональные решения перестают быть оптимальными в условиях таких изменений. Во-вторых, субъекты (акторы) классовых отношений адаптируют свои стратегии с тем, чтобы воспользоваться недостатками существующих институциональных механизмов. С течением времени эти адаптивные стратегии, как правило, подрывают способность институтов общественного воспроизводства эффективно регулировать и сдерживать классовую борьбу.

3. *Тезис об институциональном кризисе и обновлении.* Из-за постоянной необходимости в деятельности институтов общественного воспроизводства (тезис 1) и тенденции к постепенному ослаблению репродуктивного потенциала данных институциональных механизмов (тезис 2) институты общественного воспроизводства в капиталистическом обществе, как правило, будут периодически обновляться. Типичным обстоятельством для такого обновления является институциональный кризис, т. е. ситуация, в которой организованные социальные субъекты, в особенности классовые акторы, начинают ощущать, что система институциональной поддержки не справляется со своими задачами, поскольку утрачивает способность сдерживать классовые конфликты в допустимых пределах. Такое институциональное обновление может быть либо частичным, либо связанным с драматическими изменениями институциональной конфигурации. Это, однако, не подразумевает ни того, что вводимые новые институциональные решения будут носить оптимальный характер, ни того, что капитализм рухнет из-за неоптимального институционального устройства. Все, что мы здесь утверждаем, это то, что капиталистическое развитие будет отмечено последовательным рядом эпизодов институциональной реконструкции в ответ на возникающие противоречия в воспроизводстве капиталистических отношений.

Эти три тезиса обеспечивают системобразующие рамки, которые связывают воедино основную проблематику социологического марксизма. Как и в случае с теорией об исторической судьбе капитализма, они предназначены не для того, чтобы быть просто предметом дискурса по поводу их интерпретации, а для того, чтобы выявить реальные механизмы, присущие реальным институтам. < ... >

Тезис об общественном воспроизводстве классовых отношений

В фундаментальном смысле вопрос общественного воспроизводства распространяется на все виды социальных отношений. Ни один из этих типов, будь то дружеские отношения, отношения власти внутри организации, гендерные или классовые отношения, не может просто продолжать свое существование в изначально заданной форме по инерции. Их функционирование всегда сопровождается какой-то деятельностью, связанной с поддержанием регулируемых ими общественных отношений. Однако такая деятельность по поддержке социального порядка сама подвержена структурированию со стороны общественных отношений; она не представляет собой просто набор добровольных поступков волонтеристски действующих лиц. Здесь фундаментальной метатеоретической идеей, которую социологический марксизм разделяет со многими другими течениями социологиче-

ской теории, является следующее положение: социальные отношения воспроизводятся (и преобразуются) через социальную деятельность, которая сама структурируется общественными отношениями. В этом разделе мы сосредоточим внимание на вопросах воспроизводства классовых отношений, далее рассмотрим процесс их трансформации.

Хотя общественное воспроизводство является общим моментом для всех разновидностей социальных отношений, разные виды общественных отношений создают разные виды проблем для общественного воспроизводства. Классовые отношения в силу своего эксплуататорского характера являются примером такого рода социальных отношений, для которых общественное воспроизводство представляется особенно сложным и проблематичным делом, требующим значительных ресурсов, социальной энергии и институциональных разработок. Это происходит по двум причинам.

Во-первых, эксплуататорские классовые отношения – это отношения, в которых для блага одних людей причиняется реальный вред другим людям. Социальным отношениям, в рамках которых возникают антагонистические интересы, всегда присуща тенденция генерировать конфликты, в которых те, кому наносят вред, будут пытаться изменить эти отношения.

Осознание факта активизации усилий по изменению такого характера отношений накладывает большую нагрузку на практику воспроизводства этих отношений; поскольку общественному воспроизводству не просто нужно противодействовать долгосрочной тенденции к распаду или появлению отклонений в этих отношениях, но и бороться с активными формами протеста и сопротивления им. Во-вторых, система эксплуатации дает эксплуатируемым важную форму власти.

Поскольку эксплуатация основана на изъятии трудовых усилий и так как люди всегда сохраняют определенную степень контроля над своими собственными усилиями, у них всегда есть способ противостоять своим эксплуататорам, используя по крайней мере некоторые возможности для сопротивления. Таким образом, наличие общественных отношений, которые порождают не только антагонизм интересов, но и такое положение, при котором люди, находящиеся в рамках этих отношений в неблагоприятном положении, обладают присущими им источниками силы, чтобы противостоять эксплуатации.

С учетом этих особенностей эксплуататорских классовых отношений первый фундаментальный социологический тезис марксизма содержит предсказание о том, что там, где капиталистические классовые отношения являются стабильными, обязательно будет существовать целый комплекс сложных институциональных устройств по воспроизводству этих отношений. Важной представляется сама идея этого прогноза, которой определяется возможность его реализации при определенных условиях. Суть этого прогноза заключается не в том, что капиталистические классовые отношения всегда будут сохранять стабильность, а в том, что сохранение такой стабильности требует активной институциональной поддержки. Таким образом, здесь применяется своего рода квазифункционалистская логика рассуждений, поскольку классовые системы рассматриваются как структуры, порождающие серьезные проблемы для своего собственного воспроизводства, проблемы, которые, как правило, вызывают построение соответствующих решений. Однако здесь отсутствует гомеостатическое предположение о том, что эффективные функциональные решения всегда, так или иначе, будут найдены. В действительности же одной из центральных задач марксистского социологического изучения проблемы социального воспроизводства является именно анализ способов, под воздействием которых подвергается сомнению и подрывается, погружаясь в противоречия, общественное воспроизводство как таковое.

Эти институциональные механизмы общественного воспроизводства классовых отношений существуют как на микроуровне классовых отношений, так и на уровне макроинституциональной поддержки капитализма. На микроуровне ключевой проблемой является понимание того, каким образом согласие и принуждение проявляются в повседневной практике, особенно в процессе труда. На макроуровне центральной проблемой будет выявление способов, при помощи которых различные аппараты – государство, СМИ, система образования – способствуют стабилизации классовых структур.

Большая часть теоретических и эмпирических работ в рамках неомарксизма в период с 1960-х по 1980-е гг. была посвящена исследованию данной проблемы общественного воспроизводства. В качестве лишь нескольких примеров можно привести исследование системы образования Боулза и Гинтиса (Bowles & Gintis, 1976), в котором было проанализировано функциональное соответствие между практикой школьного обучения и классовой принадлежностью детей. Ученые пришли к заключению, что в школах, где учатся преимущественно дети рабочих, основной упор в педагогической практике делается на вопросы развития дисциплины и послушания, что способствует формированию будущей роли этих детей, предназначенных для того, чтобы влиться в ряды эксплуатируемых трудящихся. В то время как в школах, рассчитанных в основном на детей представителей среднего класса или элиты, система обучения нацелена на развитие у учащихся автономии и творческого подхода, которые позволяют им более эффективно выполнять свою будущую роль господ и руководителей производства. Таким образом, система школьного образования помогает решать проблемы воспроизводства классовых отношений: она готовит детей с различным классовым происхождением к тому, чтобы эффективно функционировать в предназначенном для них классе. В работе Пола Уиллса (Willis, 1977) также исследуется, каким образом школы формируют контекст для воспроизводства классовых отношений, но в его анализе основное внимание сосредоточено на тех способах, которыми различные формы сопротивления влияют на воспроизводство положения субъекта в классовой структуре. Майкл Буравой (Burawoy, 1979) в работе, посвященной проблеме «производственного соглашения» среди фабричных рабочих, утверждает, что организация труда совместно с политическим режимом производства генерирует согласие рабочих с господством менеджмента и одновременно затуманивает существо капиталистической эксплуатации. Пржеворски и Спраг (Przeworski and Sprague, 1986) изучают способы направления избирательным законодательством в странах капиталистической демократии политических устремлений рабочего класса, которые могут потенциально угрожать капиталистическим интересам, на деятельность, согласующуюся с воспроизводством капитализма, создавая тем самым условия для сохранения господствующей формы правления. В каждом из этих случаев налицо проблема воспроизводства классовых отношений, порожденная потенциалом сопротивления капиталистической эксплуатации и господству. Принимаемые институциональные решения не устраняют этот потенциал в целом, но в случае успеха им удается удерживать такое сопротивление в допустимых пределах.

Тезис о противоречиях капитализма

Если бы социологический марксизм был просто теорией общественного воспроизводства классовых отношений, то он мог бы легко превратиться в одну из разновидностей функционализма. И разумеется, марксистский анализ часто обвиняют (иногда справедливо) в этом за свойственный ему подход ко всем социальным институтам, возможно, даже оптимальным, как к функциональным структурам, предназначенным для обеспечения стабильности капитализма и защиты интересов класса капиталистов. К примеру, большая часть дебатов по поводу получивших широкий резонанс работ Луи

Альтюссера (Althusser, 1971) об идеологии и Никоса Пуланцаса (Poulantzas, 1973) о капиталистическом государстве была главным образом сконцентрирована на том, в какой степени на их аргументацию наложил свой отпечаток функционализм.

Тезис о противоречиях капитализма позволяет избежать такого рода функционализма. В нем утверждается, что общественное воспроизводство классовых отношений является нестабильным и проблематичным как вследствие влияния тех методов, из-за которых сами институты воспроизводства становятся объектами атак, так и из-за способа, которым капиталистическое развитие постоянно разрушает возможности для потенциально функциональных решений его проблем.

Тенденция институтов общественного воспроизводства к постепенному ослаблению также была предметом серьезного исследования и теоретических дискуссий. Так, в работе О'Коннора (O'Connor, 1973) о финансовом кризисе государства утверждается, что структуре государственных расходов, которые возникают с целью нейтрализовать определенные кризисные тенденции капитализма и сдержать классовый конфликт, присущи внутренние противоречия, вызывающие в конечном итоге финансовый кризис, который потребует определенных институциональных преобразований. В исследовании Эбрахэма (Abraham, 1981), посвященном периоду Веймарской республики в Германии, утверждается, что адаптивные стратегии различных классовых субъектов, которые использовали институциональные возможности того периода, в конечном итоге сделали невозможным формирование стабильного руководящего политического блока, способного к воспроизводству немецкого капитализма в существующих конституционных рамках. В работе Шварцмана (Schwartzman, 1989) по истории первой Португальской республики показано разъединяющее влияние глобальной экономики, которое делает невозможным консолидацию господствующего класса, что в итоге приводит к установлению диктаторских режимов. В аналитической работе Клауса Оффе (Offe, 1984), посвященной «кризису кризисного управления», рассматривается, как формы рациональности, разработанные в рамках государственных институтов в целях снижения социальной напряженности, связанной с перераспределением, теряют свою функциональность при необходимости более глубокого вмешательства государства в производство с целью стабилизации условий капиталистического воспроизводства. В трудах представителей французской нормативной школы (Aglietta, 1979; Lipietz, 1987; Boyer, 1990) и американской школы социальных структур накопления (Gordon, Edwards & Reich, 1982; Bowles, Gordon & Weisskopf, 1990) утверждается, что сразу после Второй мировой войны начался период консолидации институциональной структуры под названием «фордизм», в рамках которого объединился особый вид государственной деятельности с моделью капиталистического производства и классового компромисса. Этот институциональный механизм способствовал стабильному, устойчивому воспроизводству условий, благоприятных для капиталистического накопления. Однако этот процесс капиталистического развития в конечном счете настолько увеличил силы и возможности рабочих, что стал подрывать институциональный потенциал поддержания воспроизводства самих этих условий, что, в свою очередь, привело к «кризису фордизма».

Тезис об институциональном кризисе и обновлении

Заключительный ключевой тезис социологического марксизма состоит в том, что снижение эффективности институтов общественного воспроизводства будет сопровождаться попытками институционального обновления, предпринимаемыми, как правило, в ответ на проявления кризисного характера. Такое институциональное обновление будет нацелено на обеспечение коренных интересов капиталистического класса, однако в марксизме отсутствует предсказание относительно того, что принимаемое решение

всегда будет оптимальным для капиталистов и, конечно, относительно того, что капиталисты никогда больше не будут вынуждены идти на значительные компромиссы в целях консолидации новых институтов.

Некоторые из наиболее интересных исследований социологического марксизма концентрируют внимание на проблеме процесса, посредством которого генерируются новые институциональные решения в сфере общественного воспроизводства классовых отношений. К примеру, Дэвид Джеймс (James, 1988) исследует, как в период после Гражданской войны и уничтожения рабства в США класс плантаторов Юга столкнулся с серьезной проблемой воспроизводства своего классового влияния. Автор показывает, как создание радикального государственного устройства на американском Юге в эпоху после окончания реконструкции сделало возможным возрождение такой особенно репрессивной формы извлечения трудовых усилий, как издольщина, затем, как окончательная ликвидация издольщины к середине XX в. заложила основу для успешной борьбы против расовой политики государства. В работе Эдвардса (Edwards, 1979) показано, как новые институциональные механизмы для управления трудом создаются в ответ на давление, порождаемое новыми технологиями и сопутствующими изменениями в трудовом процессе. Большая часть исследований социальной демократии и неокорпоратизма может рассматриваться в качестве анализа процесса институционализации новых форм «классового компромисса», призванных решать проблемы классовой борьбы и общественного воспроизводства в условиях экономического кризиса (Przeworski, 1985; Pontusson, 1992; Heller, 1999).

Тезис об институциональном кризисе и обновлении в совокупности с тезисом о противоречиях капитализма недвусмысленно утверждает, что капиталистические общества характеризуются внутренне присущей им динамикой изменений. В этом смысле он похож на теорию исторического пути развития и судьбы капитализма. Но в отличие от амбициозной теории исторического развития, содержащейся в классическом марксизме, в нем отсутствует заявление о том, что процесс «прерывающегося равновесия» в институциональных изменениях нацелен на достижение некоей предсказуемой точки назначения. Все, что содержится в этом предсказании, — это модель эпизодических реорганизаций капитализма и институтов, его поддерживающих, вследствие эрозии процессов социального воспроизводства, а отнюдь не то, что, накапливаясь, эти реорганизационные эпизоды порождают тенденцию к увеличению вероятности наступления социализма. <...>

* * *

В этой главе мы говорим о том, что основные теоретические идеи марксизма можно сгруппировать в три основных кластера: теория эволюции и исторической судьбы капитализма, или исторический материализм, теория противоречивого воспроизводства капиталистических отношений, или социологический марксизм, и, наконец, теория освободительной альтернативы капитализму.

Классическая теория марксизма была разработана на ранних стадиях промышленного капитализма. В ней блестяще отражены историческая динамика того периода — необычайная сила капитализма, направленная на то, чтобы изменить мир, разрушить уже существующие классовые отношения и формы общественной организации, а также внутренне присущая ему тенденция к кризису и саморазрушению. Эта динамика саморазрушительной логики капитализма получила свое цельное теоретическое осмысление в теории исторического материализма.

Социологический марксизм присутствовал в зачаточной форме внутри классического марксизма, и лишь позднее он превратился в самостоятельную, развитую теоретическую основу, необходимую для понимания того разнообразия новых социальных институтов, которые были построены вокруг капитализма для противодействия его склонности к саморазрушению. Исторический материализм и социологический марксизм дополняли друг

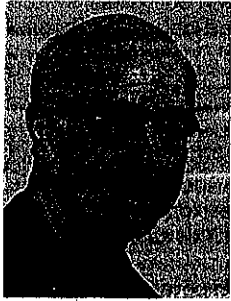
друга: один объяснял линию исторической эволюции и конечную судьбу капитализма, другой изучал препятствия на пути движения общества в этом направлении. Вместе они обеспечили теоретическую основу для деятельности марксистски ориентированных политических партий, которые видели свою миссию в преодолении этих препятствий, воплощенных, в частности, в государстве, и в ускорении благодаря этому достижения предначертанной судьбы.

До тех пор пока идеи исторического материализма были приемлемы, социологический марксизм не видел особой необходимости в том, чтобы включать в себя освободительную теорию, которая выходила далеко за пределы критики капитализма. Но стоит лишь отказаться от ключевых тезисов исторического материализма о неустойчивости капиталистического развития и обострении классовой борьбы, как развитие освободительной теории приобретает очень важное значение для строительства марксизма. Социологический марксизм требует, чтобы сейчас мы уделяли пристальное внимание разработке альтернатив капитализму, так как конец капитализма больше не является внутренне присущей ему тенденцией и предпринимавшиеся попытки строительства социализма не были успешными. Освободительная теория перестроенного марксизма должна изучать опыт государственного социализма для извлечения из него уроков относительно того, чего следует избегать и что может быть вполне приемлемо. Но еще более важным является развитие концепций реальных утопий, основанных на использовании действующих социальных институтов капитализма, и анализ тезиса о том, что эти прикрывающие капитализм с флангов институты уже сами по себе содержат семена альтернативного общества.

Социологический марксизм без марксизма освободительного вырождается в циничную, пессимистическую критику капитализма, которая в конечном счете поощряет пассивность перед лицом огромного потенциала капитализма для своего воспроизводства. Освободительный марксизм без социологического марксизма склонен впадать в безосновательный оптимизм, что лишает его серьезных основ в условиях реальных противоречий капитализма и возможности овладеть умами людей. Только путем строительства марксизма в сочетании этих двух компонентов можно нейтрализовать воздействие нынешнего образа очевидной естественности и неизбежности капитализма, способное обратить все альтернативы капиталистическим отношениям в надуманные проекты, которые невозможно реализовать.

- Abraham D. The collapse of the Weimer Republic. Princeton, 1981.
 Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation. London, 1979.
 Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses / Lenin and philosophy and other essays. London, 1971. P. 127–186.
 Arrighi G. The long twentieth century. London, 1994.
 Bowles S., Gintis H. Schooling in capitalist America. New York, 1979.
 Bowles S., Gordon D.M., Weisskopf T.E. After the wasteland. New York, 1990.
 Boyer R. The regulation school: A critical introduction. New York, 1990.
 Burawoy M. Manufacturing consent. Chicago, 1979.
 Edwards R. Contested terrain. New York, 1979.
 Gordon D., Edwards R., Reich M. Segmented work. divided workers. New York, 1982.
 Heller P. The labor of development. New York, 1999.
 James D. The transformation of the southern racial state: Class and race determinants of local-state structures // American Sociological Review. 1988. 53. P. 191–208.
 Lipietz A. Mirages and miracles: The crisis in global Fordism / D. Macey (Trans.). London, 1987.
 O'Connor J. The fiscal crisis of the state. New York, 1973.
 Offe C. The contradictions of the welfare state. Cambridge, 1984.
 Pontusson J. The limits of social democracy. New York, 1992.
 Poulantzas N. Political power and social classes. London, 1973.
 Przeworski A. Capitalism and social democracy. Cambridge; New York, 1985.
 Przeworski A., Sprague J. Paper stones. Chicago, 1986.
 Schwartzman K. The social origins of democratic collapse. Lawrence, 1989.
 Willis P. Learning to labour. Farnborough, 1977.

МАЙКЛ БУРАВОЙ

Майкл Буравой (р. 1947, Манчестер, Англия) – англо-американский социолог-марксист, президент Международной социологической ассоциации (с 2010 г.). Окончил в 1968 г. Кембриджский университет по специальности «Математика». Обучался в магистратуре в университете Замбии, а затем учился в докторантуре Чикагского университета. Его диссертация посвящена анализу жизни промышленных рабочих Чикаго, проведенному этнометодологическими методами. В настоящее время Буравой является профессором Калифорнийского университета в Беркли. Активно участвует в профессиональной деятельности не только как автор книг, но и как организатор науки, сторонник и пропагандист формы социологических исследований, которая известна в России как «публичная социология», автор многих публикаций.

Помимо социологических исследований социальных отношений в промышленности Замбии и Чикаго, он изучал социально-трудовые отношения в промышленном производстве в Венгрии и постсоветской России. Основным методом исследования – включенное наблюдение, позволяющее вскрыть природу постколониализма, организации государственного социализма, а также проблемы переходного периода в посткоммунистических странах. Позже Буравой отказался от этнометодологических экспедиций на заводы, чтобы сосредоточить исследовательский интерес на преподавании социологии в университете. Результаты исследований Буравого в области публичной социологии в сжатом виде изложены в его президентском обращении к Американской социологической ассоциации в 2004 г. Он делит социологию на четыре отдельных (хотя и пересекающихся) категории: публичная социология, социология политики (предназначенная для академической аудитории) и критическая социология (обращенная к академической аудитории) и критическая социология, которая, как и публичная, производит рефлексивные знания, доступные, как и в случае профессиональной социологии, только для академической аудитории.

Основные работы: «Производство согласия: изменения в трудовом процессе в условиях монополистического капитализма» (1979), «Политика производства: режимы предприятия в условиях капитализма и социализма» (1985), «Лучезарное прошлое: идеология и реальность венгерского пути к капитализму» (1992), «Метод расширенного сравнения: четыре страны, четыре десятилетия, четыре великих трансформации и одна теоретическая традиция» (2009).

ЭРИК ОЛИН РАЙТ

Эрик Олин Райт (р. 1947, Беркли, Калифорния) – американский социолог, представитель аналитического марксизма, исследователь социальной стратификации. В настоящее время – профессор Университета Висконсина в Мэдисоне (Мэдисон, США).

Профессор Райт длительное время занимался инновативным анализом классовой структуры современных капиталистических обществ. Сейчас он работает над созданием эмансипирующей социальной науки. С 1983 г. является директором Центра по изучению социальной структуры и социальных изменений им. А.Е. Хейвенса в своем университете, а также входит в состав редакционной коллегии журнала «Politics & Society». В 1990 г. был удостоен почетного звания профессора им. Чарльза Миллса. Эрик Райт – автор 13 книг.

Основные работы: «Политика наказания: Критический анализ тюрем в Америке» (1973), «Класс, Кризис и государство» (1979), «Классовая структура и определение дохода» (1979), «Классы» (1994), «Дебаты о классах» (1990), «Классы: сравнительные исследования в анализе классов» (2000), «Представляя реальные утопии» (2010), «Американское общество: как оно работает на самом деле?» (в соавт., 2010).

Перевод на русский язык Г.Н. Соколовой

Поступила в редакцию 28.03.11.